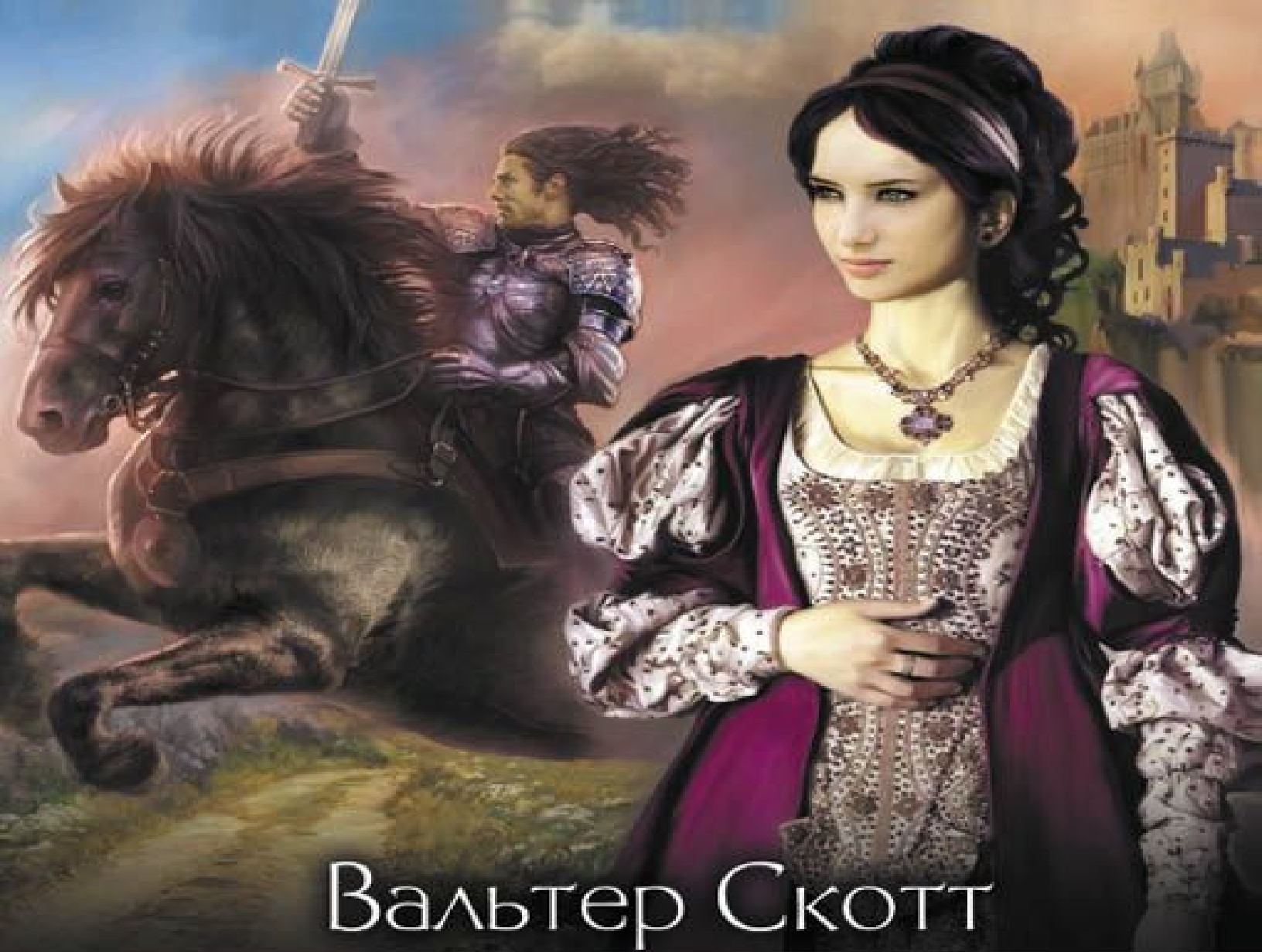

Квентин Дорвард

Франция. XV век. Борьба между Людовиком XI и герцогом Карлом Смелым Бургундским разгорелась не на шутку.

Отважный шотландец Квентин Дорвард поступает на службу в личную гвардию его величества — и оказывается в водовороте событий. Король поручает ему сопровождать графиню Изабеллу де Круа в далекий Льежский монастырь. Плененный ее красотой, Квентин влюбляется в девушку. Их судьбы — в самом центре жестокой борьбы за власть...

Вальтер Скотт

ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

КВЕНТИН ДОРВАРД

ЦЕНТРЕ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Вальтер Скотт

Квентин Дорвард

РОМАН

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2014

© Парфенова А., составление, предисловие, комментарии, 2014
© DepositPhotos.com / Andrey Kuzmin, обложка, 2014
© Shutterstock.com / Triff, обложка, 2014
© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2014
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2014

ISBN 978-966-14-6950-0 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Франція. XV століття. Боротьба між Людовиком XI і герцогом Карлом Сміливим Бургундським розпалилася не на жарт. Відважний шотландець Квентін Дорвард вступає на службу до особистої гвардії його величності — і потрапляє у вир подій. Король доручає йому супроводжувати графиню Ізабеллу де Круа в далекий Льежський монастир. Краса дівчини полонить його, і Квентин закохується. Їхні долі — в епіцентрі жорстокої боротьби за владу...

Скотт В.

С44 Квентин Дорвард : роман / Вальтер Скотт ; пер. с англ. В. Шишмаревой ; сост., предисл. и коммент. А. Парфеновой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2014. — 416 с. : ил. — (Серия «Золотые страницы приключений», ISBN 978-966-14-5262-5).

ISBN 978-966-14-6835-0 (Украина)

ISBN 978-5-9910-2845-5 (Россия)

Франция. XV век. Борьба между Людовиком XI и герцогом Карлом Смелым Бургундским разгорелась не на шутку. Отважный шотландец Квентин Дорвард поступает на службу в личную гвардию его величества — и оказывается в водовороте событий. Король поручает ему сопровождать графиню Изабеллу де Круа в далекий Льежский монастырь. Плененный ее красотой, Квентин влюбляется в девушку. Их судьбы — в самом центре жестокой борьбы за власть...

УДК 821.111

ББК 84.4ВЕЛ

Составление, предисловие и комментарии А. *Парфеновой*

Перевод с анлийского М. *Шишмаревой*

В оформлении книги использованы гравюры художников XIX века

В оформлении обложки использована иллюстрация *RomaN*

Дизайнер обложки *Татьяна Коровина*

Предисловие

Сэр Вальтер Скотт родился 15 августа 1771 года в Эдинбурге, в семье состоятельного шотландского юриста Вальтера Джона (1729—1799) и Анны Резерфорд (1739—1819), дочери профессора медицины Эдинбургского университета. Он был девятым ребенком в семье, но к моменту его рождения в живых оставалось только двое его братьев. Всего в семье из 13 детей в итоге выжило шестеро. В январе 1772 года малыш Уолтер (Вальтер — устаревший германизированный вариант произношения этого имени) заболел полиомиелитом и навсегда остался хромым. Родители старались всеми способами подлечить его, отправляли на лечение на горячие источники — купание в ваннах с бьющей из-под земли водой считалось тогда первейшим средством при болезнях конечностей. Он был любимым ребенком в материально благополучной семье, но что более интересно — был вундеркиндом. С самого раннего детства он отличался острым умом, потрясающей памятью, любопытством, повышенной склонностью к гуманитарным наукам. Много времени он проводил в поместье своего деда на ферме Сэндиноу, находившемся на юге Шотландии, в местах, называемых Шотландским приграничьем, а также в доме своего дяди близ Келсо. Родительская любовь и забота сделали свое дело. Мальчик окреп, поступил в эдинбургскую школу, а потом и в колледж, с успехом их закончил. Он сделался даже спортсменом, увлекся альпинизмом. Но, увы, оставался хромым. В 1792 году он с отличием сдал экзамен на адвоката, получил лицензию юриста и открыл собственную практику. Он был практичным, деловым человеком, много ездил по Шотландии, разбирая различные сложные имущественные разногласия людей, изучая уклад родной страны. По характеру он был человеком добрым и чувствительным, вникал в проблемы своих клиентов искренне и поэтому многое понял о своем народе, о его характере, привычках, достоинствах и недостатках.

В 1791 году он встретил Вильямину Белшес, дочь эдинбургского адвоката, которую преданно и страстно полюбил. Однако, несмотря на очевидные достоинства Скотта, его обаяние, удивительный талант

рассказчика, которым он радовал своих друзей и знакомых, доброту и искренность, его избранница предпочла другого. Похоже, здесь все-таки сыграла свою роль инвалидность. Отказ возлюбленной чуть не убил его. Он едва смирился с этим несчастьем и несколько лет приходил в себя. В 1797 году он женится на Шарлотте Карпентер и становится преданным мужем, образцовым семьянином, хлебосольным хозяином.

В литературе он нашел себя далеко не сразу. Довольно нескоро определилось его настоящее призвание. Путешествуя по родному краю, он стал этнографом-любителем, собирал фольклор — песни, сказания, волшебные и ужасные истории, которые рассказывали в деревнях и на фермах.

В 1802—1803 годах он издал собрание шотландских народных баллад в двух томах. Это издание сыграло колоссальную роль не только для английской литературы, но и для литературы мировой. Обращение к народу, к его эстетическим и поэтическим корням — подлинное новаторство Скотта. До этого никто и никогда не рассматривал фольклор так подробно и внимательно, с такой любовью. Романтизм — литературное течение, частью которого впоследствии стал Скотт, — во многом базировался именно на использовании народных мотивов. Интерес к личности, интерес к простому человеку, интерес к народу — вот главные точки интереса для писателей-романтиков.

Сборник шотландских баллад, изданный Скоттом, изучили все мало-мальски видные литераторы той эпохи. Мы не станем здесь перечислять шотландцев, ирландцев и англичан. Перейдем сразу к Жуковскому и Пушкину. Жуковский перевел сборник практически полностью. Впрочем, в те времена не существовало профессии и статуса литературного переводчика. Люди читали иностранные произведения в оригинале. А если перекладывали на родной язык, то ставили просто отсылку. Перевод считался вполне самостоятельным произведением. Самое известное заимствование Пушкина из этого сборника — «Ворон к ворону летит...». Лермонтов также не обошел вниманием эту книгу, для него, как для человека с шотландскими корнями, это было вполне естественно.

В литературе Скотт начал как поэт. Написал две большие поэмы на фольклорно-легендарные темы: «Мармион» и «Дева озера», имевшие очень большой успех. А потом, с некоторой внезапностью для своих читателей, прекратил писать стихи. Когда его спрашивали, почему он это сделал, он отвечал: потому что появился Байрон. Он искал такую область, где мог первенствовать.

В 1814 году Вальтер Скотт снова появился в литературе как совсем иной писатель — как романист. В 1814-м был издан его первый исторический роман — «Уэверли». После этого друг за другом появились на свет его исторические романы. Романы, которые создали ему славу, сделали его классическим писателем. Здесь ему оченьгодились знания фольклора, истории и этнографии Шотландии. Они дали ему строительный материал для его будущих романов.

Виднейший знаток творчества Скотта, российский литературовед Наум Берковский, пишет: «Вальтер Скотт — это создатель исторического романа, каким мы его знаем: исторического романа Нового времени. У Вальтера Скотта определились конститутивные черты романа исторического, черты, строящие этот роман».

Его романы обладали удивительным свойством — они не только описывали ушедшую эпоху, они отвечали на насущные вопросы современности. В них Скотт пытался показать процесс исторической преемственности, как одно явление порождало другое, как из особенностей рождались проблемы, как проблемы превращались в непримиримые противоречия, как после социальных взрывов менялся уклад и как, какими путями из прошлого проросло настоящее.

Один из вопросов, который интересовал Скотта, — проблема национального государства. Почему Шотландия, страна, давшая миру массу исторически и культурно значимых личностей, никогда не получила собственного независимого государства?

Например, в «Айвенго» он изображает Британию XII века. Мы видим господство англосаксов и завоевание Британии норманнами. Вот как написал об этом Наум Берковский: «...И там хорошо видно, откуда взялась современная Скотту Британия. Это англосаксонский коренной строй, переработанный норманнами, переработанный во всех отношениях: в бытовых, социальных, психологических, культурных. В „Айвенго“ замечательно подчеркнуто, что англосаксонский язык, коренной язык, язык туземцев, — он остался

только в низах общества, это язык быта, язык низов. А язык войны, охоты и любви — это язык норманнов. Очень точный анализ. Даже в современном английском языке языковой слой более высоких, изысканных понятий — он почти весь французского происхождения, норманнский. А бытовой слой имеет германское, саксонское происхождение».

Вальтер Скотт понимал, что следующий этап современной Европы — это сложение национальных централизованных государств. Лучше всего она трактуется в романе «Квентин Дорвард». Скотт выбирает для этого именно Францию и эпоху Людовика XI, потому что именно эта страна и это время рисуют образцово-показательную картину этого исторического процесса.

Вальтер Скотт, несомненно, сыграл очень большую роль не только как романист. Он сыграл важную роль в развитии исторической науки, создал методологию изучения исторических событий, обозначил важнейшие узлы, моменты, в которые история творилась, а судьбы народов решались. Повсюду в Европе лучшие историки первой трети XIX века — ученики Вальтера Скотта.

Что в этих романах выглядит особенно достоверным и притягательным? Описание материального мира эпохи. Например, описание пиров. Вальтер Скотт очень любил описывать пиршества прошедших веков — и как гости были рассажены, и что они ели, и как они пили.

Он придумал прием описания исторических событий, прием, который остался в литературе навсегда. И не только в литературе — кино также заимствовало этот прием. Он придумывает персонажа и помещает его среди исторических личностей. Жизнь и судьба этого выдуманного персонажа, его взаимоотношения с историческими личностями в исполнении Скотта показывают нам характер, мнения и движущие мотивы исторических личностей — личностей, которые творили историю.

Лучший пример — это пример из романа «Квентин Дорвард». По мнению Берковского, это лучший роман Вальтера Скотта. «Кто такой Квентин Дорвард? — пишет исследователь. — Это шотландец, который поехал во Францию, нанялся на службу к французскому королю Людовику XI».

Скотт в потрясающих тонкостях знал историю материальной культуры Европы, и для читателя, который знал столько же, говорил с писателем на одном языке, он открывал ход сюжета в мелочах. Вот что пишет об этом советский литературовед Борис Бродский: «На берегу ручья молодой шотландец встретил пожилого человека и принял его за зажиточного горожанина. „Вы, сударь, должно быть, меняла или хлебный торговец“, — сказал Квентин Дорвард, не догадываясь, что перед ним король Людовик XI. Тот представился дядей Пьером.

Знать и придворные носили одежду из бархата и шелка. Естественно было предположить, что король делает так же. Однако, подобно простым людям, таково уж было его чудачество, Людовик XI носил платье только из сукна. Известно также, что он никогда не расставался со своей старой войлочной шляпой, увешанной оловянными иконками. Именно так и выглядит дядя Пьер.

Поэтому Квентин никак не мог предположить, что встретил короля. Король поговорил с Квентином, а потом повел его в гостиницу „Лилия“ и угостил обедом. После обеда король удалился. Тогда Квентин поинтересовался у хозяина, кто такой дядя Пьер.

— Если сказал купец, значит, купец и есть, — отвечал хозяин.

— Какую же он ведет торговлю?

— Как вам сказать... Всякую, сударь. Есть у него здесь шелковые мануфактуры, изделия которых поспорят даже с теми тканями, что венецианцы привозят из Индии... Может быть, по дороге сюда вы заметили тутовую рощу? Ее посадили по приказу дяди Пьера для его шелковичных червей...

Шелк во Франции в XV веке ткали только на одной мануфактуре. Принадлежала эта мануфактура королю. Работали на ней итальянцы. Этого, правда, Квентин мог и не знать — шелкоткацкая мануфактура была устроена во Франции лишь за год до его приезда. Изготавливать шелковые ткани умели только в итальянских городах Болонье и Лукке. Каждому жителю этих городов за разглашение секрета изготовления шелка грозила смертная казнь. Поэтому открыть шелкоткацкую мануфактуру во Франции мог лишь могущественный человек, способный переманить в чужую страну итальянских мастеров и обеспечить им безопасность, то есть король».

Читатель, который знал обо всем этом столько же, сколько Скотт, — сразу понял, что речь идет о короле. Читатель-профан вместе с

героем узнает это тогда, когда автор дает ему такую возможность.

Вальтер Скотт создал жанр исторического романа, до него их никто не писал. Он написал 28 романов и вошел в число авторов, создавших современную культуру человечества.

В 1830 году он переносит первый апоплексический удар, который парализовал его правую руку. В 1830—1831 годы Скотт испытывает еще два апоплексических удара.

Умер он от инфаркта 21 сентября 1832 года.

В настоящее время в поместье Скотта Эбботсфорд открыт музей знаменитого писателя.

Квентин Дорвард

Глава 1 КОНТРАСТ

Вторая половина пятнадцатого столетия подготовила ряд событий, в итоге которых Франция достигла грозного могущества, с той поры не раз служившего предметом зависти для остальных европейских держав. До этой эпохи она была вынуждена отстаивать свое существование в борьбе с Англией, владевшей в то время лучшими ее провинциями, и только благодаря постоянным усилиям ее короля и беззаветной отваге народа ей удалось избежать окончательного подчинения иноземному игу. Но ей угрожала не только эта опасность. Ее могущественные вассалы, в особенности герцоги Бургундский и Бретонский, стали так пренебрежительно относиться к своим обязанностям феодалов, что при малейшем поводе готовы были восстать против своего государя и сюзерена французского короля. В мирное время они самовластно управляли своими провинциями, при этом Бургундский дом был сам по себе настолько богат и силен, что ни в могуществе, ни в великолепии не уступал французскому двору.

Следуя примеру главнейших вассалов, каждый мелкий ленник старался отстоять свою независимость, насколько это ему позволяли расстояние от королевского двора, размеры его владений и неприступность его замков и укреплений. Все эти мелкие деспоты, не считаясь с законом и пользуясь своей безнаказанностью, зверски угнетали своих подданных и расправлялись с ними с чудовищной жестокостью. В одной Оверни насчитывалось в то время более трехсот таких независимых дворян, для которых кровосмешение, грабеж и насилие были самым обычным делом.

Кроме всех этих бед, другой, не менее страшный бич — последствия многолетних войн между Францией и Англией — терзал эту несчастную страну. Многочисленные выходцы из соседних государств, собираясь в вооруженные шайки под предводительством избранных ими смелых и ловких искателей приключений, наводняли Францию. Это продажное воинство предлагало на любой срок свои услуги тому, кто больше за них заплатит; а в тех случаях, когда на них не было спроса, воевало на собственный страх и риск, захватывая

замки и крепости, которые использовались как убежища, забирая в плен людей, чтобы получать за них огромные выкупы, облагая данью незащищенные селения и прилегавшие к ним земли; словом, своим поведением они вполне оправдывали данные им звания обирал и живодеров.

Наряду со всеми ужасами и несчастьями, вызванными бедственным положением государства, среди мелкопоместных дворян царили безумное мотовство и роскошь, которыми они щеголяли в подражание крупным феодалам, выжимая последние соки из обнищавшего, разоренного народа.

Отношение к женщине носило романтический, рыцарский характер, часто переходивший, однако, в полную разнузданность. Язык странствующего рыцарства еще не совсем вышел из употребления, внешние его приемы и формы еще сохранились, но чувство благородной, возвышенной любви и порожденная ею рыцарская доблесть почти исчезли и не скрашивали больше вычурности его оборотов.

Поединки и турниры, празднества и пиры, которые устраивались каждым, даже самым маленьким, феодальным двором, привлекали толпы искателей приключений во Францию, представлявшую такое широкое поле для безрассудной отваги и предприимчивости, не находивших применения в более счастливом отечестве всех этих авантюристов.

В ту эпоху, как будто для того, чтобы спасти прекрасную Францию от грозивших ей со всех сторон бед, на шаткий престол ее взошел Людовик XI, который, несмотря на свои отталкивающие личные качества, сумел понять и до некоторой степени пресечь и парализовать зло своего времени. Так иные яды, как говорится в старинных медицинских книгах, могут обезвреживать друг друга.

Достаточно смелый, когда этого требовала выгода или политическая цель, Людовик не был романтичен по природе: в нем не было и искры той благородной рыцарской отваги, которая не столько гонится за пользой и успехом, сколько за славой и честью. Расчетливый и хитрый, он выше всего ставил свои личные интересы и умел ради них жертвовать не только своей гордостью, но и своими страстями. Он тщательно скрывал истинные мысли, намерения и чувства даже от своих приближенных и нередко говаривал: «Кто не

умеет притворяться — тот не умеет и царствовать; что касается меня, то, узнай я, что моя шапка проведала мои тайны, я в ту же минуту бросил бы ее в огонь». Никто — ни до него, ни после — не умел лучше подмечать слабости ближних и пользоваться ими для своих выгод, в то же время ловко скрывая от всех собственные недостатки и слабости.

Людовик был по природе мстителен и жесток до такой степени, что бесчисленные казни, совершавшиеся по его приказанию, доставляли ему истинное удовольствие. Он не знал ни милосердия, ни пощады в тех случаях, когда мог действовать безнаказанно; но вместе с тем никакая жажда мести не могла толкнуть его на безрассудный, необдуманный поступок. Он бросался на свою жертву только тогда, когда она была в полной его власти и не могла от него ускользнуть, и действовал всегда так осторожно, ловко и скрытно, что смысл его тайных происков становился понятен окружающим лишь после того, как он добивался своей цели.

Прирожденная скупость Людовика не мешала ему, однако, быть щедрым до расточительности, когда дело шло о том, чтобы подкупить какого-нибудь фаворита или министра враждебного ему государя и этим предотвратить грозившее ему нападение или разрушить подготовляемый против него союз. Он любил чувственные наслаждения и всякие развлечения, но даже самые сильные его страсти — женщины и охота — не могли отвлечь его от строгого исполнения взятых им на себя обязанностей — от управления государством. Он был тонким знатоком человеческой природы, потому что никогда не чуждался частной жизни людей, к какому бы слою общества они ни принадлежали. И хотя он был высокомерен и заносчив, однако не признавал произвольного деления общества на высших и низших, чем вызывал глубокое возмущение знати, и не колеблясь доверял самые высокие посты людям, которых выбирал из самых низших слоев общества; правда, людей он умел выбирать и редко ошибался.

Но цельные характеры — большая редкость, и в этом хитром и одаренном государе уживались странные противоречия. Несмотря на все свое лицемерие и лукавство, Людовик иногда слишком слепо и опрометчиво полагался на прямодушие и честность других. Подобные промахи имели, по-видимому, своим источником слишком тонкую игру, побуждавшую его иногда прикидываться и надевать личину

неограниченного доверия к тем, кого он хотел обмануть; обычно же он бывал так недоверчив и подозрителен, как ни один из властителей того времени.

Чтобы дополнить наш беглый набросок, укажем еще на две характерные черты этого человека, сумевшего то ловкой политикой, то вовремя брошенной подачкой, то, наконец, жестокостью и крутыми мерами выдвинуться среди воинственных, суровых государей того времени и занять среди них место укротителя диких зверей, которые разорвали бы его на куски, если бы он не подчинил их своей власти.

Первая из характерных черт Людовика — это крайнее суеверие, бич, при помощи которого Провидение часто терзает людей, отказывающихся исполнять повеления религии. Людовик никогда не пытался успокоить преступную совесть, но тщетно старался заглушить муки раскаяния исполнением суеверных обрядов, строгим покаянием и щедрыми дарами, расточаемыми духовенству. Второй его чертой, которая, как ни странно, часто неразлучна с первой, была страсть к низменным удовольствиям и тайному разгулу. Самый умный или, во всяком случае, самый хитрый из современных ему монархов, Людовик любил низменные наслаждения. Сам человек в высшей степени остроумный, он очень ценил находчивость и остроумие в своих собеседниках, что как будто плохо вяжется с его характером. Несмотря на крайнюю недоверчивость, он с удивительным легкомыслием пускался во всевозможные сомнительные похождения и любовные интриги. Страсть его к подобным развлечениям была так велика, что дала пищу для бесчисленных игривых и скандальных анекдотов, собранных и изданных отдельной книжкой, которая хорошо знакома библиофилам, в чьих глазах первое издание является наиболее ценным.

Итак, при посредстве этого осторожного и ловкого, но не очень привлекательного государя Провидению угодно было возратить великой французской нации те блага государственного порядка, которые она почти утратила ко времени вступления Людовика на престол. Так, часто Провидение заставляет служить на пользу людям не только теплый летний дождик, но и грозную, разрушительную бурю.

До своего вступления на престол Людовик успел обнаружить больше пороков, чем достоинств. Первая его жена, Маргарита

Шотландская, пала жертвой клеветы придворных своего супруга; однако, если бы сам Людовик этого не поощрял, никто не осмелился бы сказать ни единого слова против доброй и несчастной государыни. Людовик был также неблагодарным и непокорным сыном: сначала он затеял тайный заговор против отца, а потом поднял против него открытое восстание. За первое из этих преступлений он был удален в собственное свое владение Дофине, где впервые показал себя искусным правителем, за второе — был окончательно изгнан за пределы государства и принужден чуть не из милости просить убежища у герцога Бургундского и его сына; он пользовался их гостеприимством до самой смерти отца, скончавшегося в 1461 году, и отплатил им впоследствии черной неблагодарностью.

В самом начале своего царствования он едва не был свергнут с престола лигой, заключенной против него сильнейшими вассалами Франции, во главе которых стоял герцог Бургундский, или, вернее, сын его — граф де Шароле. Предводители этой лиги собрали многочисленное войско, осадили Париж и под стенами столицы дали решительное сражение, исход которого чуть не погубил французскую монархию. Но, как это обыкновенно бывает, более ловкий из противников сумел присвоить себе если не славу и честь, то все выгоды, какие можно было извлечь из этого спорного сражения. Людовик, показавший редкую личную храбрость в битве при Монлери, сумел так ловко повернуть дело, что смело мог считать эту спорную битву своей победой. Он выждал время и, когда лига сложила оружие, стал так искусно сеять раздор между ее предводителями, называвшими себя Лигой всеобщего блага (хотя настоящей их целью было ниспровержение французской монархии), что лига распалась и никогда больше не возникала в прежних угрожающих размерах. С той поры Людовик, которому Англия не была больше страшна, потому что в ней самой шли в то время междоусобные войны между домами Йоркским и Ланкастерским, занялся оздоровлением своего государства: он, как искусный, но безжалостный врач, то уговорами, то огнем и мечом многие годы старался остановить распространение смертельной болезни, разъедавшей и подтачивавшей политический организм Франции. Он стремился положить предел разбою вольных вооруженных шаек и незаконному своеволию дворян, и мало-помалу благодаря выдержке и настойчивости ему удалось укрепить

королевскую власть и если не подавить совсем, то значительно ослабить своих могущественных вассалов.

Тем не менее французский король со всех сторон был окружен опасностями. Правда, членов Лиги всеобщего блага разъединяли раздоры, но она еще существовала и, как недобитая змея, могла ожить и сделаться по-прежнему опасной. Но наибольшая опасность грозила ему со стороны герцога Бургундского, одного из могущественнейших европейских государей, возраставшую силу и значение которого ничуть не умаляла его формальная зависимость от короля Франции.

Карл, прозванный Смелым (вернее было бы назвать его Отчаянным, так как храбрость у него сочеталась с яростью и неистовством), владел в то время Бургундским герцогством и горел одним желанием: сменить свою герцогскую корону на независимый королевский венец. По характеру герцог Карл представлял полную противоположность Людовику XI.

Спокойный, рассудительный и хитрый Людовик никогда не пускался в рискованные предприятия, но зато и не отступал перед раз намеченной целью, если достижение ее было возможно хотя бы в самом отдаленном будущем. Герцог же, наоборот, очертя голову бросался в самые опасные предприятия, потому что любил опасность и не признавал никаких препятствий. Людовик никогда не жертвовал выгодой даже ради своих страстей; Карл ради выгоды не поступался не только своими страстями, но даже малейшей прихотью. Несмотря на узы близкого родства, несмотря на услуги, оказанные герцогом и его отцом Людовику, когда он был еще дофином в изгнании, они презирали и ненавидели друг друга. Герцог Бургундский презирал осторожную политику короля, приписывая природной трусости Людовика его манеру добиваться своих целей хитрыми подходами, подкупом и другими окольными путями, тогда как сам он всегда шел к своей цели с оружием в руках. Он ненавидел короля не только за его неблагодарность, за личные оскорбления и постоянную клевету, которой послы Людовика старались очернить Карла еще при жизни его отца, но больше всего за тайную помощь, которую Людовик оказывал недовольным гражданам Гента, Льежа и других больших городов Фландрии. Эти беспокойные города, крепко державшиеся своих привилегий и гордые богатством, часто открыто восставали против своих властителей, герцогов Бургундских, и всегда находили

поддержку при дворе Людовика, который не упускал удобного случая посеять смуту во владениях своего могущественного вассала.

Людовик платил герцогу такой же ненавистью и презрением, но умел ловко скрывать свои чувства. Да и не мог такой глубоко проницательный человек, как Людовик, не презирать той упрямой настойчивости, с которой герцог стремился к достижению своих целей, как бы губительны ни были для него последствия его упорства, точно так же как не мог не презирать его слепой и безрассудной отваги, не признававшей ни опасностей, ни преград. Впрочем, король не столько презирал, сколько ненавидел Карла, и его злоба и ненависть становились тем сильнее, чем больший страх внушал ему этот опасный противник; Людовик хорошо понимал, что нападение бешеного быка, с которым он любил сравнивать герцога Бургундского, всегда опасно, хотя бы животное нападало с закрытыми глазами. Его страшили не только богатство и могущество Бургундии, не только многочисленность воинственного и дисциплинированного населения герцогских владений — сам герцог, по своим личным качествам, был для него опасным врагом. Храбрый до безрассудства, щедрый до расточительности, окруживший себя и свой двор роскошью и блеском, Карл Смелый привлекал к себе самых отважных, самых пылких людей того времени, которых неудержимо влекло к нему в силу сходства их характеров; и Людовик не мог не понимать, на что способны такие храбрецы под предводительством бесстрашного, неукротимого вожака.

Было и еще одно обстоятельство, усиливавшее ненависть Людовика к его могущественному вассалу: герцог оказал ему некогда услугу, за которую Людовик и не подумал с ним расплатиться; он чувствовал себя в долгу перед ним, и это заставляло его не только быть сдержанным с герцогом, но иногда даже сносить вспышки его необузданного гнева и дерзости, оскорбительные для его королевского достоинства, причем он не мог обращаться с ним иначе, как со своим «любезным кузеном Бургундским».

Около 1468 года взаимная ненависть двух великих государей достигла крайних пределов, вопреки заключенному ими между собой перемирию, правда временному и очень непрочному. Начало нашего рассказа относится именно к этой эпохе. Быть может, читатель найдет, что главное действующее лицо этой повести слишком незначительно по своему общественному положению и что для его характеристики не

стоило выяснять взаимоотношения таких высоких и могущественных особ; но мы позволим себе напомнить, что нередко страсти, ссоры, вражда или мирные отношения великих мира сего сильно отражаются на участи окружающих людей, и надеемся, что из последующих глав каждому станет ясно, как важно все сказанное в этой первой, вступительной главе для правильного понимания многих событий в жизни нашего героя.

Глава 2 ПУТНИК

В одно прелестное летнее утро, в тот час, когда солнце жжет еще не слишком сильно, а освеженный росой воздух наполнен благоуханием, молодой человек, державший путь с северо-востока, подошел к броду через небольшую речку, или, вернее, широкий ручей, впадающий в Шер, близ королевского замка Плесси-ле-Тур, многочисленные мрачные башни которого возвышались вдали над обступившим его густым лесом. В этой лесистой местности находился королевский охотничий парк, обнесенный оградой, называвшейся на средневековой латыни *plexitium*, от чего многие французские деревни получили название Плесси. В отличие от них, замок и деревня, о которых здесь идет речь, назывались Плесси-ле-Тур, так как находились в двух милях к югу от большого красивого города Тура, столицы древней Турени, богатые равнины которой по праву назывались садом Франции.

На противоположном берегу ручья, к которому приближался путник, стояли два человека; издали казалось, что они поглощены серьезным разговором, но на самом деле они следили за каждым движением приближавшегося юноши, которого давно уже заметили, ибо находились на более высоком берегу.

Молодому путешественнику можно было дать не более девятнадцати-двадцати лет; его лицо и весь облик сразу располагали в его пользу, хотя и было видно, что он не местный житель, а чужестранец. Короткий серый камзол и штаны были скорее фламандского, чем французского покроя, а щегольская голубая шапочка, украшенная веткой остролиста и орлиным пером, была, несомненно, подлинно шотландской. Одет он был очень опрятно, с той тщательностью, с какой одевается молодость, сознающая свою красоту. За спиной у него висела дорожная сумка, по-видимому содержащая самые необходимые пожитки. На левой руке была надета перчатка для соколиной охоты, хотя сокола с ним и не было; в правой руке он держал крепкую палку. С левого плеча свешивался небольшой пунцового бархата мешочек нашитой перевязи, какие носили охотники

с кормом для соколов и другими принадлежностями этой излюбленной в то время забавы. На груди его перевязь перекрещивалась ремнем, на котором сбоку висел охотничий нож. На ногах вместо сапог были башмаки из сыромятной оленьей кожи.

Хотя юноша, очевидно, не достиг еще полного расцвета сил, тем не менее он был высок и статен, а легкость его походки доказывала, что путешествие пешком было для него скорее удовольствием, чем трудом. Его белое от природы лицо было покрыто легким загаром — может, под непривычным влиянием южного солнца, а может, и от постоянного пребывания на открытом воздухе у себя на родине.

Черты его лица не отличались особой правильностью, но были очень приятны и внушали к нему доверие. Беззаботная молодая улыбка, блуждавшая на его свежих губах, открывала два ряда зубов, ровных и белых, как слоновая кость; веселый взгляд блестящих голубых глаз, внимательно останавливавшийся на окружающих предметах, был добродушен, беспечен и в то же время полон решимости.

На поклоны и приветствия редких в то опасное время прохожих юноша отвечал сообразно достоинству каждого. Вооруженному бродяге, не то разбойнику, не то солдату, который внимательно разглядывал его, как бы взвешивая про себя, чего можно здесь ждать — богатой добычи или решительного отпора, — он отвечал таким бесстрашным и уверенным взглядом, что тот мигом оставлял злые умыслы и приветствовал его угрюмым: «Здорово, приятель!», на что молодой шотландец отвечал столь же воинственным, хотя и менее суровым тоном. Пилигрима и нищенствующего монаха он встречал почтительным приветствием и получал в ответ отеческое благословение; а с молодой черноглазой крестьянкой он обменивался таким веселым поклоном, что она долго еще оборачивалась и с улыбкой смотрела ему вслед. Словом, в юноше было что-то привлекавшее внимание: смелость, прямота в соединении с жизнерадостностью, ясным взглядом и приятной внешностью невольно располагали в его пользу. По его поведению чувствовалось, что это человек, бесстрашно вступающий в жизнь, полную неведомых ему зол и опасностей, для борьбы с которыми у него только и есть оружия что живой ум и молодая отвага — черты, вызывающие симпатии людей молодых и участие поживших и опытных.

Путник, которого мы сейчас описали, был давно замечен двумя собеседниками, остановившимися на том берегу речки, где стоял окруженный лесом замок; но когда юноша стал спускаться с крутого берега с легкостью бегущей к водопою лани, младший из собеседников сказал старшему:

— А ведь это наш цыган! Если он пустится вброд, он пропал: вода сильно прибыла, речки не перейти.

— Пусть попытается, — ответил старший, — и сам убедится в этом, куманек. Может быть, он подтвердит старую поговорку: «Кому быть повешену — не утонет».

— Отсюда я не могу рассмотреть лица, но узнаю его по голубой шапке, — сказал первый. — Послушайте, вот он кричит: спрашивает, глубока ли вода.

— Пусть сам попробует, — повторил старший собеседник, — в этом мире нет ничего лучше собственного опыта.

Между тем юноша, видя, что двое людей на противоположном берегу спокойно смотрят, как он готовится перейти речку вброд, и даже не отвечают на вопрос, снял башмаки и недолго думая вошел в воду. Только в эту минуту старший из собеседников крикнул, чтоб он был осторожен, и, обратившись к своему спутнику, сказал:

— Э, куманек, опять ты дал маху — это вовсе не цыган.

Но предупреждение опоздало: то ли юноша его не расслышал, то ли не успел им воспользоваться, так как сразу попал в быстрину. Для всякого менее искусного и ловкого пловца гибель казалась неизбежна: речка была очень глубока, а течение стремительно.

— Клянусь святой Анной, он молодчина! — воскликнул старший незнакомец. — Беги-ка поскорей, приятель, да загладь свою вину: помоги ему, если можешь. Он, видно, все же достанется тебе и, если верить старой поговорке, не должен утонуть.

И правда, юноша с такой силою и ловкостью боролся с волнами, что, несмотря на бурное течение, выплыл на берег почти против того места, откуда вошел в воду.

В то время как младший незнакомец бежал вниз к реке на помощь пловцу, старший не спеша следовал за ним, рассуждая сам с собой: «Клянусь небом, он уже вылез на берег и сразу схватился за палку! Если я не поспешу, он, чего доброго, отколотит моего приятеля за

единственное доброе дело, которое тот собирался сделать за всю свою жизнь».

Он не без основания предвидел такую развязку, потому что как раз в эту минуту отважный шотландец набросился на подбежавшего к нему самаритянина с сердитым окриком:

— Ах ты собака! Ты почему не ответил, когда я спрашивал, можно ли пройти вброд? Черт меня побери, если я не научу тебя, как надо обходиться с чужестранцами!

С этими словами юноша подбросил палку и, перехватив ее посередине, угрожающе завертел ею в воздухе. Этот прием в драке назывался «мельница», потому что вертящаяся палка напоминала вращение крыльев ветряной мельницы. Услышав эту угрозу, противник юноши, в свою очередь, схватился за меч: он, видно, был из тех, кто предпочитает действия разговорам. Но тут подоспел старший незнакомец; он приказал ему остановиться и, обратившись к молодому шотландцу, стал упрекать его за безрассудную поспешность, с которой тот бросился в воду, и за горячность, с какой он, не разобрав дела, накинулся на человека, спешившего ему на помощь.

Выслушав это замечание от человека пожилого и по виду вполне почтенного, юноша сейчас же опустил свое оружие и ответил, что очень жалеет, если был к ним несправедлив; но и они, по его мнению, были неправы, заставив его рисковать жизнью, ни словом не предупредив об опасности. А такой поступок не достоин ни честных людей, ни добрых христиан, ни тем более уважаемых горожан, какими они кажутся.

— Ну, сынок, — сказал старший незнакомец, — по твоей внешности и выговору я догадываюсь, что ты чужестранец, и, право, ты и сам мог бы сообразить, что нам не так-то легко тебя понимать, хоть ты и бойко болтаешь на чужом языке.

— Ладно, отец, — ответил юноша. — Поверьте, мне это купание нипочем, и я охотно извиню вам, что вы были отчасти его причиной, если вы укажете местечко, где я мог бы обсушиться, потому что на мне единственное мое платье и мне хотелось бы сохранить его в приличном виде.

— За кого же ты нас принимаешь, мой друг? — спросил старший незнакомец вместо ответа.

— За зажиточных горожан, разумеется. За кого же еще? — ответил шотландец.

— Или нет, постойте!.. Вы, сударь, должно быть, меняла или хлебный торговец, а ваш товарищ — барышник или мясник.

— Не в бровь, а прямо в глаз, — заметил с улыбкой пожилой незнакомец. — Что правда, то правда! Я действительно по мере сил занимаюсь денежными делами; да и про моего товарища ты угадал: он по профессии и впрямь сродни мяснику. Оба мы рады тебе услужить, но только скажи нам, кто ты, куда и за каким делом идешь. Нынче ведь по дорогам рыщет много всяких бродяг, и пеших и конных, у которых нет ни совести, ни страха господня.

Юноша окинул своего собеседника и его молчаливого товарища быстрым пронизательным взглядом, как бы желая убедиться, достойны ли они его доверия, и вот к чему свелись его наблюдения.

Старший и более почтенный из этих двух людей, выделявшийся как наружностью, так и костюмом, смахивал больше всего на купца. Его камзол, штаны и плащ из одноцветной темной материи были донельзя потерты, и сметливый шотландец сейчас же решил, что носить такую одежду мог человек либо очень богатый, либо совсем бедный, вернее — первое. Узкий покрой его слишком короткого платья не был в то время в моде ни у дворян, ни у зажиточных горожан, носивших широкие и длинные камзолы, спускавшиеся ниже колен.

В выражении лица этого человека было что-то одновременно привлекательное и отталкивающее; в его резких чертах, ввалившихся щеках и глубоко сидящих глазах сквозили лукавство и затаенный юмор, не чуждый и нашему юноше. И в то же время во взгляде этих впалых глаз, смотревших из-под густых, нависших черных бровей, было что-то зловещее и повелительное. Быть может, впечатление это усиливалось благодаря плоской меховой шапке, плотно надвинутой на лоб и еще больше оттенявшей глаза, но юношу поразили этот взгляд, плохо вязавшийся с заурядной внешностью незнакомца. Его шапка была особенно неказиста. Люди состоятельные украшали в то время свои шапки золотыми или серебряными пряжками; на его же головном уборе не было никаких украшений, кроме жалкой оловянной бляхи с изображением Божьей Матери, вроде тех, что приносят из Лорето беднейшие пилигримы.

Его товарищ, лет на десять его моложе, был человек приземистый и коренастый. Угрюмое лицо его лишь изредка озарялось злобной усмешкой; впрочем, он улыбался только в тех случаях, когда старший незнакомец обращался к нему с какими-то таинственными знаками. Он был вооружен мечом и кинжалом, а под его скромной одеждой шотландец заметил тонкую кольчугу из мелких железных колец, какие в ту полную опасностей эпоху носили не только воины, но и мирные жители, занятия которых требовали частых отлучек из дому. Это обстоятельство еще больше убедило шотландца, что незнакомец был мясником, барышником или кем-нибудь в этом роде.

Молодой чужеземец, с одного взгляда сделав наблюдения, на передачу которых мы потратили столько времени, после минутного молчания ответил с легким поклоном:

— Не знаю, с кем имею честь говорить, но, кто бы вы ни были, я не стыжусь и не боюсь сказать вам, что я шотландец, младший сын в семье и, по обычаю моих земляков, иду попытать счастья во Франции или в какой-нибудь другой стране.

— Чудесный обычай, черт возьми! Да и сам ты молодец хоть куда! В твои годы ты должен нравиться не только мужчинам, но и женщинам... Ну-с, так вот, видишь ли, я — купец, и мне нужен помощник. Что ты на это скажешь? Или, может быть, ты слишком благороден для такого низкого занятия?

— Если вы делаете мне это предложение серьезно, в чем я очень сомневаюсь, я должен вас поблагодарить и благодарю вас, сударь; но, право, я боюсь, что не сумею быть вам полезным.

— Еще бы! Ручаюсь, что ты искуснее стреляешь из лука, чем ведешь счета, а мечом владеешь лучше, чем пером. Ведь так?

— Я горец, сударь, а следовательно, стрелок, как у нас говорят, — ответил юноша. — Но мне случилось жить в монастыре, и добрые монахи научили меня читать, писать и даже считать.

— Черт возьми, это великолепно! — воскликнул купец. — Клянусь Пречистой Девой Эмбренской, ты просто чудо!

— Веселитесь, сударь, если вам это нравится, — сказал шотландец, которому насмешливый тон нового знакомого, видимо, пришелся не по вкусу. — А мне нечего тут болтать с вами, когда вода бежит с меня в три ручья. Пойду поищу, где бы обсушиться.

В ответ на эти слова купец только расхохотался.

— Черт возьми, — сказал он, — ты горд, ну как шотландец, как любят у нас выражаться. Полно сердиться, приятель. Я знаю и люблю твою родину, потому что мне не раз приходилось иметь дело с шотландцами. Народ вы бедный, но честный... Пойдем-ка с нами в деревню; я угощу тебя славным завтраком и поднесу стаканчик доброго вина, чтобы вознаградить тебя за купание... А это еще что, черт возьми? Охотничья перчатка? Разве ты не знаешь, что соколиная охота в королевских владениях запрещена?

— Не знал, да меня вразумил негодяй лесничий герцога Бургундского, — ответил юноша. — Дело было под Перонной: только я спустил было своего сокола на цаплю, как этот негодяй уложил его на месте своей проклятой стрелой. А я-то еще так на него надеялся и нес с собой от самой Шотландии!

— Что же ты сделал ему за это? — спросил купец.

— Я избил его, — сказал юноша, потрясая своей палкой, — так, как только может один христианин избить другого, не уложив его на месте и не беря греха на душу.

— А знаешь ли ты, что, попадись ты в руки герцогу Бургундскому, он тут же вздернул бы тебя и ты болтался бы на дереве, как каштан?

— Как не знать! Говорят, он на эти дела так же скор, как и французский король. Но так как это случилось под самой Перонной, то я махнул через границу и был таков! Кабы он не был так горяч, я, может быть, еще поступил бы к нему на службу.

— Если перемирие будет нарушено, герцог горько пожалеет, что потерял такого молодца, — сказал насмешливо купец, бросив быстрый взгляд на своего молчаливого товарища, а тот ответил ему зловещей улыбкой, озарившей на мгновение его лицо, как промелькнувший метеор озаряет зимнее небо.

Молодой шотландец резко остановился и, надвинув решительным жестом свою шапочку на правую бровь, сердито сказал:

— Послушайте, господа, особенно вы, сэры, старший и как будто более разумный из двух: будьте осторожней! Я сумею вам доказать, что прохаживаться на мой счет небезопасно. Мне не нравится ваш тон. Я могу стерпеть шутку, а от старшего даже выговор и поблагодарю за него, если я его заслужил; но я не потерплю, чтобы со мной обращались как с мальчишкой, когда, Бог свидетель, я чувствую в себе

столько сил, что легко проучу вас обоих, если вы выведете меня из себя.

Эти слова так рассмешили старшего незнакомца, что он чуть не задохнулся от хохота, а товарищ его схватился за меч; но шотландец ловким, сильным ударом по руке заставил его в тот же миг выпустить оружие, и эта выходка еще больше развеселила старого купца.

— Стой, храбрый шотландец, стой! — закричал он. — Успокойся хотя бы из любви к своей родине!.. Да и тебе, куманек, советую не кипятиться. Черт возьми!.. Люди торговые должны быть справедливыми, а его ловкий удар можно принять как расплату за холодное купание... А ты, приятель, слушай: перестань горячиться! — добавил он, обращаясь к шотландцу таким властным тоном, что тот невольно смутился. — Со мной шутки плохи, а с моего товарища хватит и того, что он получил. Как твое имя?

— На вежливый вопрос у меня всегда есть учтивый ответ, — сказал юноша, — и я готов отнестись к вам с почтением, подобающим вашему возрасту, если вы не станете выводить меня из терпения насмешками. Мое имя, данное мне на родине, — Квентин Дорвард.

— Дорвард? Это дворянское имя? — спросил незнакомец.

— Надеюсь, — ответил шотландец. — Об этом свидетельствуют пятнадцать поколений моих предков. Это-то и заставило меня избрать именно военную, а не иную профессию.

— Настоящий шотландец! Много предков, много гордости и, ручаюсь, очень мало денег в кармане!.. Послушай, куманек, — продолжал пожилой купец, обращаясь к своему мрачному товарищу, — ступай-ка вперед да прикажи приготовить нам завтрак в тутовой роще; я уверен, что этот молодец окажет ему такую же честь, как голодная мышь хозяйскому сыру. Что же касается цыгана... дай-ка я шепну тебе на ухо два слова...

Выслушав товарища, мрачный незнакомец ответил ему многозначительной улыбкой и удалился крупным шагом, а старый купец, обратившись к Дорварду, сказал:

— Пойдем-ка и мы помаленьку да завернем по дороге в часовню Святого Губерта и прослушаем обедню, потому что не годится заботиться о потребностях тела больше, чем о спасении души.

Как добрый католик, Дорвард ничего не мог возразить против этого предложения, хотя, по всей вероятности, ему прежде всего хотелось

обсушиться и подкрепить свои силы. Между тем мрачный незнакомец скоро исчез из виду, и, следуя за ним той же дорогой, его товарищ с юношей вошли в густой лес, весь заросший мелким кустарником и перерезанный длинными и широкими просеками, по которым бродили вдалеке небольшие стада оленей, чувствовавших себя здесь, по-видимому, в полной безопасности.

— Вы спрашивали меня, хороший ли я стрелок, — сказал юный шотландец. — Дайте мне лук да пару стрел, и я ручаюсь, что у вас будет оленина на обед.

— Берегись, дружок! Советую тебе: будь осторожен. Куманек смотрит в оба за здешней дичью, на нем лежит надзор за нею; и поверь мне, он очень сердитый сторож.

— А все-таки он больше смахивает на мясника, чем на веселого лесничего, — сказал Дорвард. — Трудно поверить, чтобы человек с рожей висельника имел что-нибудь общее с благородным искусством охоты.

— Это правда, дружок: на первый взгляд физиономия у моего куманька не слишком-то привлекательна; однако никто из тех, кто сводил с ним знакомство покороче, никогда не жаловался на него.

Квентину Дорварду послышалась какая-то странная, неприятная нотка в многозначительном тоне, каким были сказаны эти слова; он быстро взглянул на говорившего и в выражении его лица, в улыбке, змеившейся на его губах, в пронизывающем взгляде его черных прищуренных глаз уловил нечто такое, что еще усилило это неприятное впечатление.

«Мне доводилось слышать о разбойниках, ловких плутах и обманщиках, — подумал он. — Может быть, тот негодяй — убийца, а этот старый плут — его правая рука и приспешник? Надо держать ухо востро... Впрочем, что с меня взять? Разве что несколько добрых шотландских тумачков!» Пока Дорвард был занят этими размышлениями, они вышли на прогалину, на которой кое-где росли старые большие деревья. Очищенная от мелкой заросли и хвороста, она была покрыта, точно ковром, свежей густой травой, разросшейся в тени деревьев, защищавших ее от лучей палящего южного солнца, и такой пышной и нежной, какая редко встречается во Франции. Кругом росли вековые буки и вязы, высоко возносившие к синему небу свои гигантские зеленые купола. Среди этих могучих детей природы, на

самом открытом месте, недалеко от быстрого ручья, стояла небольшая часовня простой, даже грубой архитектуры. Рядом лепилась убогая келья — жилище отшельника, исполнявшего при часовне обязанности священнослужителя. В небольшой нише над сводчатой дверью часовни виднелась маленькая статуя святого Губерта с охотничьим рогом через плечо и с двумя борзыми собаками у ног. Одинокая часовня, окруженная густым лесом, полным дичи, была посвящена покровителю охоты святому Губерту.

Незнакомец в сопровождении Дорварда направился прямо к часовне. В ту минуту, когда они подходили к ней, из кельи вышел отшельник в священническом облачении и тоже направился к часовне, очевидно чтобы служить обедню. При его приближении Дорвард, в знак почтения к его сану, отвесил низкий поклон; спутник же его с видом глубочайшей набожности преклонил колена и, приняв благословение святого отца, смиренно последовал за ним медленным шагом человека, полного благоговения.

Внутреннее убранство часовни говорило о трудах и занятиях святого Губерта в его земной жизни. Все стены были увешаны ценными мехами всевозможных зверей, на каких охотятся в различных странах; из таких же мехов была и завеса у алтаря. Стенную живопись заменяли охотничьи рога, колчаны и самострелы, развешанные вперемешку с головами оленей, волков и других зверей, — словом, все убранство носило вполне охотничий характер. Самую службу тоже можно было назвать «охотничьей обедней», так как она была сокращена и ее служили перед началом охоты на скорую руку.

Во время этой коротенькой службы спутник Дорварда был, казалось, всецело поглощен молитвой; сам же Дорвард, не особенно занятый религиозными мыслями, не переставал упрекать себя за то, что осмелился оскорбить низкими подозрениями такого хорошего и смиренного человека.

Когда обедня кончилась, они вместе вышли из часовни, и, обратившись к нему, старший сказал:

— Теперь нам два шага до деревни, и ты с чистой совестью можешь наконец разрешить свой пост. Ступай за мной!

Свернув направо на тропинку, которая отлого поднималась в гору, он посоветовал своему спутнику ни в коем случае не сходить с тропинки, а стараться идти, держась ее середины.

— Видишь ли, молодой человек, мы теперь находимся в королевских владениях, — ответил его провожатый, — и ходить здесь, черт возьми, совсем не то, что бродить в ваших диких горах. Здесь каждая пядь земли, за исключением тропинки, по которой мы идем, грозит опасностями и почти непроходима, потому что на каждом шагу расставлены ловушки и западни с острыми ножами или секачами, которые так же ловко отрезают ноги неосторожному путнику, как кривой нож садовника — ветви боярышника; здесь есть такие капканы, что как раз пригвоздят тебя к земле; есть и волчьи ямы, такие глубокие, что могут заживо схоронить тебя. Словом, мы в самом сердце королевских владений и сейчас увидим замок.

— Будь я королем Франции, — сказал юноша, — я не стал бы окружать себя ни ловушками, ни капканами, а постарался бы так управлять своим государством, чтобы никто не осмелился приблизиться ко мне с дурным умыслом. Тем же, кто приходил бы в мои владения с миром и дружбой, я был бы всегда рад, потому что, по моему, чем больше друзей, тем лучше.

Спутник Дорварда оглянулся кругом с притворным испугом:

— Тише, тише, юноша! Я и забыл тебя предупредить о самой большой опасности, подстерегающей тебя в здешних местах: у каждого листочка в этом лесу есть уши и каждое слово будет передано королю.

— Что за беда! — ответил Квентин Дорвард. — Недаром же я шотландец: я всегда смело скажу, что думаю, даже в глаза королю Людовику, храни его Господь! Что же касается ушей, о которых вы говорите, — хотел бы я их видеть, чтоб отрезать моим охотничьим ножом!

Глава 3 ЗАМОК

Продолжая разговаривать, Дорвард и его новый знакомый приблизились к замку Плесси-ле-Тур, который теперь весь открылся их взорам. Даже в ту полную опасностей эпоху, когда все знатные люди принуждены были жить под защитой надежных укреплений, охрана замка отличалась особенной строгостью.

Замок был обнесен тройной зубчатой стеной с укрепленными башнями по всей ее длине и по углам. Вторая стена была немного выше первой, а третья, внутренняя, выше второй, так что с внутренних стен можно было оборонять наружные, если бы неприятель завладел ими. Француз пояснил своему юному спутнику, что вокруг первой стены идет ров в двадцать футов глубиной (они не могли его видеть, потому что стояли в ложбине, ниже основания стен), наполнявшийся при помощи шлюзов водой из Шера или, вернее, из его притока. Точно такие же глубокие рвы шли, по его словам, и вокруг двух внутренних стен. Как внутренние, так и наружные берега этого тройного ряда рвов были обнесены частоколом из толстых железных прутьев, расщепленных на концах в острые зубья, которые торчали во все стороны и делали эти рвы совершенно неприступными: попытка перелезть через них была бы равносильна самоубийству.

В центре этого тройного кольца стен стоял самый замок, представлявший собой тесную группу зданий, построенных в различные эпохи и окружавших древнейшую из этих построек — старинную мрачную башню, возвышавшуюся над замком, точно черный эфиопский великан. Узенькие бойницы, пробитые там и сям вместо окон в толстых стенах башни для ее защиты, вызывали то же неприятное чувство, какое мы испытываем, глядя на слепца. Остальные постройки также мало походили на благоустроенное, удобное жилье: все их окна выходили на глухой внутренний двор, так что по своему внешнему виду замок напоминал скорее тюрьму, чем королевский дворец.

В неприступную твердыню вел единственный вход — по крайней мере так показалось Дорварду, когда он разглядывал фасад замка, — то

были ворота, пробитые в первой наружной стене, с обязательными в то время двумя высокими башнями по бокам, с опускавшейся решеткой и подъемным мостом; решетка была спущена, а мост поднят. Такие же точно ворота с башнями были видны и в двух внутренних стенах. Но все трое ворот не приходились друг против друга, потому что были расположены не по прямой линии; таким образом, их нельзя было пройти все насквозь, и, вступив в первые ворота, приходилось идти между двумя стенами ярдов тридцать в сторону, чтобы попасть во вторые. И вздумай забраться сюда неприятель — он очутился бы под перекрестным огнем, направленным на него с обеих стен. Та же участь ждала бы его, если бы ему удалось прорваться сквозь вторые ворота. Словом, для того, чтобы проникнуть во внутренний двор, где стоял замок, надо было миновать два опасных узких прохода, обстреливаемых с двух сторон, и завладеть тремя сильно укрепленными и тщательно оберегаемыми воротами.

Желая окончательно поразить Дорварда, его спутник сообщил ему, что все окрестности замка, за исключением единственной тропинки, по которой он его вел, точно так же как и лес, были усеяны ловушками, западнями и капканами, грозившими смертью тому несчастному, кто осмелился бы проникнуть сюда без провожатого; вдоль стен, по его словам, тянулся целый ряд железных сторожек, так называемых ласточкиных гнезд, где в полной безопасности сидели регулярно сменяемые часовые и откуда они могли незаметно прицелиться в каждого, кто отважился бы подойти к замку, не подав условного сигнала и не зная ежедневно менявшегося пароля; охрану замка, сказал незнакомец, день и ночь несли стрелки королевской гвардии, получавшие от короля Людовика за свою службу большое жалованье и богатую одежду, не считая почета и других милостей.

— Ну-с, а теперь, молодой человек, — продолжал он, — скажи-ка мне: случалось ли тебе когда-нибудь видеть такую сильную крепость и считаешь ли ты, что ее можно взять приступом?

Дорвард давно уже не спуская глаз рассматривал замок, который так сильно заинтересовал его, что в порыве юношеского любопытства он забыл и думать о своем промокшем платье. При этом вопросе глаза его сверкнули отвагой и лицо ярко вспыхнуло, точно он обдумывал про себя смелый подвиг. Наконец он ответил:

— Спору нет, крепость сильная, почти неприступная, но для храбрецов нет ничего невозможного.

— Может быть, и ты из их числа? — улыбнулся незнакомец.

— Не хочу хвастать без надобности, — ответил Дорвард. — Но мой отец славился храбростью, а я родной и законный его сын!

— Что ж, — заметил его собеседник, — в таком случае тебе здесь есть с кем помериться силами. Королевская гвардия Людовика, охраняющая эти стены, вся состоит из твоих соотечественников — шотландских стрелков. В ней числится триста человек дворян из благороднейших домов твоей родины.

— Так будь я на месте короля Людовика, — подхватил с живостью юноша, — я возложил бы свою охрану только на этих шотландцев! И с ними о своих врагах думал бы не больше, чем о какой-нибудь мухе.

Спутник Дорварда опять улыбнулся и свернул на другую дорогу, которая была несколько шире прежней.

— Впереди у нас деревня Плесси. Там ты можешь найти удобное и недорогое пристанище, — пояснил незнакомец. — Милях в двух отсюда лежит красивый город Тур, по имени которого называется и все это богатое и цветущее графство. Но мне кажется, что тебе будет гораздо лучше остановиться именно в Плесси.

— Спасибо вам, сударь, за добрый совет, но я больше не хочу долго здесь оставаться.

— Вот как! А мне почему-то казалось, что у тебя здесь есть друзья, — сказал его спутник.

— Это верно, у меня есть здесь родственник, брат моей матери, — ответил Дорвард. — В былое время в своем родном графстве он слыл молодцом и красавцем.

— А как его зовут? — спросил незнакомец. — Я мог бы о нем справиться, потому что, видишь ли... тебе не совсем безопасно самому являться в замок, где тебя могут принять за шпиона.

— Меня — за шпиона! — воскликнул Дорвард. — Клянусь Богом, славно бы я отделал всякого, кто осмелился бы меня так назвать! Что касается дяди, у меня нет причин скрывать его имя. Его зовут Лесли; это честное и благородное имя.

— Нисколько не сомневаюсь, но дело в том, что в шотландской гвардии трое носят эту фамилию.

— Дядю зовут Людовик Лесли, — сказал юноша.

— Но из троих Лесли двое Людовики.

— Моего дядю прозвали Людовик со Шрамом, — сказал Дорвард.

— Я, кажется, догадываюсь, о ком ты говоришь... Должно быть, о Людовике Меченом, как его у нас прозвали за его шрам... Он честный малый и добрый солдат. Мне бы очень хотелось устроить ваше свидание, но, видишь ли, это не так-то легко, потому что порядок у королевских гвардейцев строгий и они редко выходят из замка, кроме тех случаев, когда сопровождают самого короля. Но прежде, милый друг, ответь мне на один вопрос. Бьюсь об заклад, что ты хочешь поступить под начальство своего дяди в шотландскую гвардию? Если я угадал, то это очень смелый план при твоей молодости: подобная служба требует большого опыта.

— Может быть, раньше я и помышлял о чем-нибудь в этом роде, — ответил беспечно Дорвард, — но теперь у меня пропала всякая охота.

— Что так, любезный? — спросил француз, и в голосе его послышалась строгая нотка. — Почему ты так свысока отзываешься о службе, на которую стремятся попасть благороднейшие и знатнейшие из твоих соотечественников?

— И пусть стремятся на здоровье, — ответил спокойно Дорвард. — Откровенно говоря, я был бы не прочь поступить на службу к французскому королю; да только вы сами только что сказали, что его воины не вольны в своих поступках, а я не променяю своей свободы на его железные клетки. И кроме того, — добавил Дорвард, понижая голос, — мне, сказать по правде, не особенно хочется жить в замке, вблизи которого растут дубы с такими желудями, как, например, вон тот.

— Я, кажется, понял тебя, — сказал француз, — но все-таки выскажись ясней.

— Извольте, могу и ясней. Вон там, на выстрел от замка, стоит прекрасный старый дуб, — сказал Дорвард, — а на нем висит человек в точно таком же сером камзоле, какой на мне. Теперь ясно?

— А ведь и правда! Вот что значит молодые глаза, черт возьми! — заметил француз. — Я и сам вижу что-то меж ветвей. Впрочем, милый друг, что ж тут особенного? Лето перейдет в осень, лунные ночи станут длинней, а дороги опасней, и ты увидишь на этом дубе не один, а с десяток таких желудей. Что за важность? Подобные знамена

развешиваются на страх негодяям, и с каждым таким висельником во Франции становится одним разбойником меньше.

— Будь я королем Людовиком, я запретил бы вешать их так близко от своего замка, — сказал юноша. — У меня на родине мертвых ворон вешают обыкновенно в таких местах, где часто собираются живые вороны, но никак не в садах и не на голубятнях. И этот ужасный трупный запах... Он даже сюда доходит.

— Поживи-ка на свете подольше да сделайся преданным, верным слугой своего государя, и ты узнаешь, дружок, что в мире ничто так приятно не пахнет, как труп врага, предателя или изменника, — заметил француз.

— Упаси бог дожить до того, чтобы потерять обоняние, зрение или любое из пяти чувств, — сказал шотландец. — Поставьте меня лицом к лицу с живым врагом или предателем — и вот вам моя рука и мой меч; но я не знаю ни ненависти, ни вражды, которые пережили бы смерть... Однако вот мы добрались и до деревни. Надеюсь доказать вам на деле, что ни холодное купание, ни этот отвратительный запах ничуть не испортили мне аппетита. Теперь прежде всего в гостиницу, и чем скорее, тем лучше... Кстати, прежде чем я воспользуюсь вашим гостеприимством, позвольте узнать ваше имя.

— Меня зовут дядюшка Пьер. За титулом я не гонюсь, потому что человек я простой и живу скромно, довольствуясь небольшим доходом.

— Ну что ж, пусть будет дядюшка Пьер, — сказал Дорвард. — Как бы то ни было, я очень благодарен счастливому случаю, который свел меня с вами.

Между тем они прошли узкую аллею рослых вязов, которая вела к воротам гостиницы, и вошли во двор. Гостиница была поставлена на широкую ногу и предназначалась для благородных посетителей, имевших какое-нибудь дело в замке, где Людовик никому и ни под каким видом не позволял останавливаться, если только его не вынуждал к этому неизбежный долг гостеприимства. Над главным входом этого большого и неуклюжего здания красовался щит с изображением королевской лилии. Ни во дворе, ни в доме, ни в прилегающих к нему службах не было заметно оживления и суеты, которые в те годы, когда и частные дома и общественные здания были полны слуг, указывали бы на обилие постояльцев и процветание дела. Казалось, суровый, мрачный характер соседнего замка наложил свою

печать и на это место, предназначенное, по тогдашним обычаям, для шумных сборищ с обильной выпивкой и хорошим угощением.

Миновав главный вход и ни с кем не заговаривая, дядюшка Пьер поднял щеколду одной из боковых дверей и ввел Дорварда в большую комнату, где ярко пылал огонь в камине и стоял стол, накрытый для обильного завтрака.

— Мой куманек обо всем подумал, ничего не забыл, — сказал он, обращаясь к Дорварду. — Ты, наверно, продрог — вот тебе огонь, обсушись и погрейся; ты голоден — сейчас тебе будет и завтрак.

Он свистнул, и в дверях показался хозяин гостиницы, ответивший на его приветствие низким поклоном.

— Я посылал сюда человека и велел заказать завтрак... Исполнено мое поручение?

Хозяин ответил новым безмолвным поклоном и стал торопливо вносить и расставлять на столе разнообразные блюда прекрасного завтрака, ни единым словом не заикаясь об их необыкновенных достоинствах. А между тем этот завтрак, как читатель увидит из следующей главы, стоил похвал, на которые обыкновенно так щедры болтливые французские трактирщики.

Глава 4 ЗАВТРАК

Итак, на долю нашего юного чужестранца выпала такая удача, какой он еще не видывал с минуты вступления на землю древней Галлии.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ